

ОСОБЕННОСТИ ПРОЧТЕНИЯ ОБРАЗА БЕНЕДИКТА В РОМАНЕ Т.ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Пашкова К.Д.,

Научный руководитель Ковтун Н.В.
Сибирский федеральный университет

Актуальность: в настоящее время проблема сохранения культуры, просвещения является одной из наиболее актуальных. На примере романа Т.Толстой «Кысь» и образа его главного героя Бенедикта мы можем проанализировать глобальные мифы национальной культуры, в том числе стержневой миф **литературоцентризма**.

Цель: рассмотреть особенности прочтения образа главного героя Бенедикта в парадигме литературоцентричного мифа отечественной культуры.

Роман Т. Толстой «Кысь» (2000) – знаковое произведение эпохи русского постмодернизма, в котором автор поднимает те актуальные проблемы современного российского общества, которые еще не нашли своего разрешения. Критика (Д. Ольшанский, Б. Парамонов, Л. Рубинштейн) признала книгу настоящей «энциклопедией русской жизни», своеобразной пародией на вечное желание русских «жить по писанному».

В романе перед нами открывается апокалипсический мир после Взрыва, который воплощается как «русский бунт», революция, атомная катастрофа» (Н.В.Ковтун «Русь постквадратной эпохи»). Новая Московия – пародия на Россию, сошедшаяся в образе Федоро-Кузьмичска, и, согласно статье Н.В.Ковтун, есть город «за последней чертой», где, «свои фауна и флора, история, география, границы и соседи, нравы и обычаи населения, песни, пляски, игры» (Б. Парамонов). Это мир, до отказа заполненный сказочными, диковинными предметами (Терема, Склады, Рабочие Избы) и растениями (Окаян-дерево, огнецы, хвощи, ржавь, дергун-трава), он плотен, пестр, непредсказуем.

Главный герой романа – «голубчик» Бенедикт, переписчик книг, графоман. Его образ – стилизация лубочного изображения «добра молодца»: у него «лицо чистое, румянец здоровый, тулово крепкое, хоть сейчас женись», «борода золотая, на голове волосья потемней и вьются» (Толстая 2001, с. 37). Также большой интерес вызывает имя главного героя. Бенедикт интерпретируется в тексте как «собачье» имя, («А отчего это у тебя, Бенедикт, имя собачье?» (Т.Толстая 2001)), это своеобразная отсылка к образу зверя Апокалипсиса. Зверь - это главный герой романа, символ того ада, перерождения, апокалипсического мира, с которым мы встречаемся в тексте. Более того, на древних иконах Страшного Суда нечестивцы изображаются именно с песьими головами. Исследовательница Е. Хворостьянова, ссылаясь на авторитет У. Эко (роман «Имя розы» – один из претекстов «Кыси»), цитирует прорицателя Убертина: «Число же зверя, если сочтешь по греческим литерам, – Бенедикт» (Хворостьянова 2002, с. 115). Здесь, в перевернутом, утопичном мире Т.Толстой все границы между божественным и дьявольским стираются, формализуются. В перевернутом мире нет ничего подлинного.

Бенедикт – дитя нового общества и одновременно невольный продолжатель прежней жизни что, в первую очередь, проявляется в его внешнем облике: у него нет никаких Последствий, кроме хвостика, как знака зверя и плотского существования. Еще одной связью героя с жизнью до Взрыва является происхождение, мать Бенедикта - из Пржежных, с «ОНЕВЕРСЕТЕЦКИМ АБРАЗОВАНИЕМ», именно она рассказывала сыну о прошлой жизни, ее устройстве, хотя все эти истории и были для мальчика лишь сказкой, интересной, но невероятной и, главное, непонятной: «...матушка сказывала,

что и выше хоромы бывали, пальцев не хватит ярусы перечесть; так это что же: скидавай валенки да по ногам считай?», « [матушка] говорит, до Взрыва все иначе было. Придешь, говорит, в МОГОЗИН, - берешь что хочешь, а не понравится, - и нос воротишь, не то, что нынче. МОГОЗИН этот у них был вроде Склада, только там добра больше было..» (Т.Толстая 2001).

Впрочем, Бенедикт отличается от прочего населения «голубчиков» именно внутренним беспокойством, время от времени он задумывается над философскими вопросами, голубчикам же нужно лишь, чтобы было тепло и сытно: «Вот, думаешь, баба: ну зачем она, баба? Щеки, живот, глазами мыргает, говорит себе чего-то. Головой вертит, губами шлепает, а внутри у ей что?» (Толстая 2001). В статье Н.В.Ковтун есть упоминание о том, что избранность персонажа отмечена тем же именем: Бенедикт – «благое слово», его профессия отсылает к храму мудрости - библиотеке. В то же время, Бенедикт словно бежит ото всех своих размышлений: он уверен, что это не «ФЕЛОСОФИЯ», это Кысь, самый злейший и опасный враг ему в спину смотрит. Бенедикт – школяр-графоман, для которого переписывание книг – единственный способ существования. Переписывая, он не понимает смысла слов, не воспринимает метафор и аллегорий, отчего его чтение – лишь механический процесс, бессмыслица. Он относится к категории тех, кто якобы любит искусство, а на самом деле, лишен живого чувства, чувства «братства, любви, красоты и справедливости»:

«От зари роскошный холод
Проникает в сад, -
сочинил Федор Кузьмич.

Садов у нас, конечно, нету, это разве у мурзы какого, а что холодно - это да. Проникает. Валенки прохудились, нога снег слышит». (Т.Толстая, 2001)

Однако, книги, безусловно, главная страсть нашего героя, также выделяющая его среди остальных. Он буквально одержим чтением, верит, что благодаря книгам можно познать истинный смысл бытия и те самые философские вопросы. Все усилия Бенедикта есть стремление, пусть неосознанное, обрести собственный голос, право на «приватность» бытия вне официальных мифов, на самоидентификацию: от буратины к человеку.

В поисках индивидуального слова/лица герой и начинает странствие по лабиринтам бессознательного, коридорам Терема-библиотеки, женившись на дочери главного санитаря Кудеярова, Оленьке. Он видит пророческий сон: «и сон снился: идет он будто по тестеву дому, с галереи на галерею, с яруса на ярус, а дом вроде и тот, да не тот: словно он длиннее стал, да эдак вбок, все в бок искривляется. Вот идет он, идет да дивится: что это дом все не кончается? А нужно ему будто одну дверь найти, вот он все двери и дергает, открывает. А что ему надо за той дверью – неведомо» (Толстая 2001, с. 206).

В аспекте литературного мифа, путешествие Бенедикта – это сентиментальное воспитание чувств, вразумление деревенского труженика, дитя, его интеграция в мир письменной, высокой культуры. Важнейшей фигурой литературного мифа становится А.С. Пушкин. Образ главного героя романа накладывается на образ пушкина-буратины, (имеется ввиду идол-пушкин, которого под руководством Прежних вытесывает из дерева голубчик Бенедикт), коррелирует со статуей-идолом поэта. Бенедикт даже мыслит строками пушкинской лирики, особенно часто цитируется «Памятник»: «И еще холопа нанял всю эту тяжесть до дома доволочь, а по правде сказать, не столько оно тяжело было, сколько знатность свою охота было вволюшку выказать. Дескать, вознесся выше я [Бенедикт] главою непокорной александрийского столпа, ручек не замараю тяжести таскамши».(Толстая 2001)

В библиотеке тестя главный герой словно уже близок к истине, он узнает истинных авторов хранящихся там книг, но при этом абсолютно неадекватно понимает смысл, словно ничего и не изменилось со времен его работы простым переписчиком.

У Бенедикта именно в Тереме наступает новый этап нравственной деградации. Если раньше он был простым «голубчиком», то теперь, начитавшись книг, и побывав в «духовной» семье Кудеярова, он становится жестоким, алчным, жаждущим лишь одного - заполучить очередную книгу: «Ты, Книга, чистое мое, светлое мое, золото певучее, обещание, мечта, зов дальний...» (Толстая 2001).

Особенно заметны перемены в характере и взглядах Бенедикта, когда он соглашается на работу санитара, о которой ранее думал лишь с содроганием и ужасом.

Судьба героя «Кыси» – пародия на идеалы русских писателей-классиков, видевших в проповедническом слове, высоком чувстве возможность духовного преображения бытия. Восхождение Бенедикта абсолютно мнимо: от изготовления буратины-пушкина до казни-сожжения идола как самосожжения. Герой, спешащий на расправу с голубчиками, сокрывшими древние книги, функционально и атрибутивно совпадает с Пилатом («Санитар себя блюсти должен, руки у него всегда должны быть чистыми. На крюке непременно грязь от голубчика бывает: сукровица али блевотина, мало ли, а руки должны быть чистыми. Потому Бенедикт руки всегда мыл»), Великим Инквизитором, Двенадцатью Блока и самой Кысью: тесть «швырнул Бенедикту балахон; оболочко Бенедикта, ослепило на мгновение, но прорези сами пали на глаза, все видать как через щель, все дела людские, мелкие, трусливые, копошливые; им бы супу да на лежанку, а ветер воет, вьюга свищет, и кысь – в полете; летит, торжествуя, над городом <...> – красная конница бурей летит через город» (Толстая 2001, с. 255). Невозможность жить по писанному приводит героя к ненависти, бунту, истреблению мира живого.

На протяжении всего романа читатель надеется, что Бенедикт вот-вот обретет свой путь, на который его постоянно направляют Никита Иваныч и Варвара Лукинишна. Создается впечатление, что, прочитав такое огромное количество книг, Бенедикт вот-вот поймет смысл бытия, сможет выйти из мира-балаганчика к Иному, как увидеть Свет в конце Терема-лабиринта. Но этого не происходит. В центре внимания автора на протяжении всего романа находится процесс становления личности главного героя - от момента его первой любви и женитьбы на Оленьке, до момента его полного отделения от общества, одиночества, в котором ему предстоит сделать выбор, в дальнейшем определивший судьбу всего города-театра.

В конце концов, становится понятно, что Бенедикт абсолютно не способен на прозрение, несмотря на все количество прочитанных им книг. Буратино не становится Человеком.

«Кысь»-антиутопический роман, спецификой которого является использование повторений опорных ситуаций классических сюжетов, благодаря чему создается пародийный образ самой антиутопической литературы. Толстая словно насмехается над российским укладом общественной и частной жизни, обращается к абсурдным страницам прошлого и настоящего, художественно препарируя наше социальное бытие (например, пародийный образ верховного правителя), сознание, культуру. Сам Бенедикт также предстает перед нами словно пародия на некоего образованного человека, стремящегося прочитать, познать все вокруг и в итоге остающегося ни с чем. Согласно статье М.Липовецкого «След Кыси», парадокс романа состоит и в том, что насыщенный, с одной стороны, богатейшей литературной цитатностью (книги, которые читает Бенедикт, в пределе представляют всю мировую литературу), а с другой стороны, роскошным простонародным сказом, новой первобытной мифологией и сказочностью, — он, тем не менее, оказывается блистательно-острой книгой о культурной немоте и о слове, немотой и забвением рожденном.